

«АПОЛЛОН» «ДОМАШНИЙ»:
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖУРНАЛА В ПИСЬМАХ
С. К. МАКОВСКОГО К МАТЕРИ (1909–1910 гг.)

АЛЕКСАНДРА ЧАБАН

(Москва, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)

Заканчивая мемуарный очерк о Н. Гумилеве, С. Маковский высказал предположение о печальной судьбе собственного архива, включавшего большую часть переписки редакции журнала «Аполлон». По мнению автора, письма сгорели в печи его бывшей квартиры на Разъезжей улице еще зимой 1916 г.¹

Утверждение Маковского, однако, верно лишь частично, о чем говорят периодически появляющиеся публикации переписки главного редактора с сотрудниками². Хранящаяся в ОР ИРЛИ переписка С. Маковского с матерью, Ю. П. Маковской (урожд. Летковой), в этом плане представляет собой документ из несколько иной, «домашней» сферы, но и он также небезынтересен для исследователей русских модернистских журналов начала XX в. («Мир искусства» и «Аполлон»), творчества С. Маковского и в целом истории русской культуры рубежа эпох и Серебряного века.

¹ «В наступившие голодные и холодные года большевики вселили в бывшую мою квартиру каких-то прачек, которые постепенно сожгли, чтобы не замерзнуть, всю мебель и заодно, на растопку, библиотеку и личный архив (так дымом и ушла прошлая жизнь!)» (*Маковский С. На Парнасе Серебряного века. М., 2000. С. 232*).

² См. примеч. 5, 6 и 10.

Переписка насчитывает около 70 писем к матери, написанных с начала 1890-х гг. по 1916 г. Нас будет интересовать период, когда талант С. Маковского, редактора и организатора, раскрылся наиболее полно, а именно 1909 и 1910 гг., т. е. время становления журнала «Аполлон»³.

История первых лет «Аполлона» довольно подробно изучена исследователями. Так, И. В. Корецкая⁴ описала этапы развития журнала и основные полемики, происходящие внутри и около него. Ряд публикаций писем ведущих сотрудников журнала и главного редактора, осуществленных Н. А. Богомоловым⁵, А. В. Лавровым и Р. Д. Тименчиком⁶, раскрывает неизвестные обстоятельства внутриредакционной политики. Важные стороны идеологической платформы «Аполлона» изложены в работах П. В. Дмитриева⁷

³ Всего за этот период сохранилось семь писем: 17.07, 24.07, 29.07, 06.08. 1909 г.; 07.03, 04.09, 15.09. 1910 г. За период с 1911 по 1915 гг. писем нет.

⁴ Корецкая И. В. Аполлон // Русская литература и журналистика XX века (1905–1917): Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984.

⁵ Богомолов Н. А., Кузнецова О. А. Переписка. В. И. Иванова с С. К. Маковским // Новое литературное обозрение. 1994. № 10.

⁶ Анненский И. Ф. Письма к С. К. Маковскому / Подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978; Лавров А. В. А. Волинский и журнал «Аполлон» // Лавров А. В. Русские символисты: этюды и разыскания. М., 2007.

⁷ Дмитриев П. В. «Аполлон» (1909–1918): Материалы из редакционного портфеля. СПб., 2009; Дмитриев П. В. Аполлон: очерки истории и эстетики. СПб., 2018.

и Л. Л. Пильд⁸. Тем не менее, содержание писем Маковского к матери может дать новый материал для дополнения истории развития журнала.

Первое упоминание о будущем журнале встречается в письме к матери от 20 октября 1908 г. Насколько известно, это одно из первых свидетельств о начале подготовки журнала. Примечательно также, что сообщение о новом проекте неразрывно сопряжено с упоминанием о способе его существования: «... в свет с “Салонном” зачинается новый журнал; это дело менее верное пока, хотя средства обеспечены, что главное; но я не могу гнаться за двумя зайцами. Предоставим хлопоты другим, а без моей “руки” не знаю, выйдем ли»⁹. Исследователи неоднократно подчеркивали, что главным меценатом журнала был купец М. К. Ушков, впоследствии пайщиками также выступали княгиня М. К. Тенишева и барон Н. В. Дризен¹⁰. Очевидно, что материальная база была не менее важной составляющей в журнальном деле. После согласования финансовых вопросов редакции можно было приглашать сотрудников и формировать тем самым идеологическую платформу. На протяжении всех лет существования «Аполлона» поиски субсидий составляли изрядную долю деятельности С. Маковского внутри журнала: переговоры с Ушковым велись непосредственно через него¹¹. Но, по всей видимости, весьма внушительные суммы,

⁸ Пильд Л. Л. Тургенев в художественной прозе «Аполлона» // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. II (Новая серия). Тарту, 1996.

⁹ ОР ИРАИ. Ф. 230. № 616. Л. 53. Л. 45. об.

¹⁰ См. подробнее: Глуховская Е. А., Чабан А. А. «Аполлон» и «Мусaget»: между борьбой и компромиссом (к истории одного письма) // Летняя школа по русской литературе. 2015. Т. 11. № 2. С. 146.

¹¹ См., к примеру, письмо Маковского Зноско-Боровскому от 15.07.1910: «Не думай, пожалуйста, что я от “долгов бежал”, возложив на тебя всю тяжесть кредиторских притязаний... но сразу ничего не делается. Вот

предоставляемые меценатом, зачастую не покрывали всей сметы расходов, и главному редактору приходилось предпринимать иногда весьма радикальные шаги, чтобы воплотить собственный замысел. Так, в следующем письме к Ю. П. Маковской сын просит довольно состоятельную мать о денежной поддержке журнала и о журнальном быте, что делает ее роль в деле «Аполлона» достаточно значимой:

17 июля 1909 г.

Дорогая мама, со дня твоего отъезда я — как белка в колесе. Утром — в типографии: привожу в порядок дела «Аполлона»; днем работаю в библиотеке Гос. Совета и задыхаюсь от книжной пылищи; после 4-х — в редакции, принимаю просителей, сотрудников, поставщиков etc... Вечером бываю в Царском у Анненского: чтение, разговоры, стихи, проза, стихи до бесконечности. Хочется мне чрезвычайно в две недели приблизительно настолько все подытожить, чтобы уехать освежиться хоть недели на три за границу. Боюсь только, что не удастся. Табулевский вынудил таки сдаться! Выловили все до копейки; завтра отнесу в учетный банк всю сумму полностью. Но ты не забыла, что согласилась на первое время субсидировать «Аполлон» в размере 1500 р. Разумеется, в этой сумме те деньги, которые были уже у тебя взяты: 600 р. летом и раньше за мебель и пр. Ты знаешь, конечно, сколько это выходит. Остающиеся до 1500, пожалуйста, прикажи выдать мне банку, если согласна с моим расчетом.

Ушков, которого я видел сегодня, выдает обещанные деньги 15 августа; кроме того есть шансы, что он будет субсидировать и дальше, если дело ему нравится (это будет видно по первому году). Таким образом твои 1500 вернутся к тебе через месяц — полтора самое по-

уже около недели я с милейшим М. К. Ушковым (из Москвы проехали по Волге до Самары) и дела «Аполлона» понемногу выясняются. Прежде всего о ближайшем. Через неделю (приблизительно) ты получишь от М. К. Ушкова 5000 рублей (к 1 августа — во всяком случае). Распорядись ими как можно экономнее!» (ОР РНБ. Ф. 124. № 2645. Л. 11).

следнее. Мне же деньги нужны теперь, т. к. я присмотрел себе, наконец, мебель — великолепную, которую всегда приятно будет иметь у себя. Дивные кресла, стулья и диван из цельной кожи — баснословно дешево, по случаю: 350 р. 4 кресла, 4 стула и диван. Cela vaut toujours ça! Я буду считать эту трату личным приобретением впоследствии. Ведь все, что в квартире редакции, — мое и <у> Ефронов нет никаких прав на это движимое имущество.

Спасибо за милое письмо от Елены¹². Надеюсь, что ты успокоилась на ее счет.

Целую тебя крепко и обещаю писать часто не по обыкновению! Встретимся ли в Лидо¹³?

Твой Сергей¹⁴.

В письме обращает на себя внимание и упоминание об И. Ф. Анненском. В мемуарных очерках Маковский неоднократно подчеркивал то особое положение, которое Анненский занимал в кругу «молодой редакции» журнала¹⁵. В переписке же этот пиетет перед поэтом фиксируется впервые, однако не исключена и доля прагматики. Согласно воспоминаниям Маковского, с Анненским его познакомил Н. Гумилев, активно занимавшийся делами «Аполлона» уже весной и летом 1909 г.¹⁶ Маковский не называет матери малоизвестного молодого поэта, но упоминает о близком знакомстве с довольно уважаемым литератором и директором Царско-сельской гимназии.

¹² Елена Константиновна Лукш-Маковская (1878–1967). Художница, родная сестра С. К. Маковского.

¹³ Усадьба Лидино, расположенная близ ст. Бологое.

¹⁴ ОР ИРЛИ. Ф. 230. № 616. Л. 47–48.

¹⁵ См. об этом подробнее: *Лавров А. В., Тименчик Р. Д.* Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия, 1981. Л., 1983. С. 61.

¹⁶ *Маковский С. К.* На Парнасе Серебряного века. М., 2000. С. 208–209.

В последующих письмах Маковский будет продолжать очерчивать круг «молодой редакции», называя имена только тех сотрудников, которые, вероятнее всего, были уже известны матери. Так, в письме от 24 июля 1909 г. он укажет в числе ближайших своих помощников представителей известных фамилий, А. А. Трубникова и Н. Н. Врангеля, с которыми он ранее сотрудничал в журнале «Старые годы»: «Я продолжаю работать во всю; чувствую себя хорошо. Настали опять ясные летние дни; вернулись Трубников и Врангель — не так одиноко»¹⁷. А в следующем письме (наряду с очередным упоминанием Анненского) только упомянет о появлении «очень дельного» секретаря¹⁸:

6 августа 1909 г.

Мама, дорогая, спасибо за ласковые слова. Чувствую их материнскую заботу и нежность — и так хотелось бы долго отвечать на них. Да нет никакой возможности. Начинается каторжная деятельность; рвут меня на части; день-деньской, часто и вечер до поздней ночи — сотрудники, сотрудники, разговоры...

В то же время каждую мелочь приходится делать самому. Еще два месяца до выхода первого номера «Аполлона» — а я как на угольях. Чтобы было удовольствие от затраченного труда и, главное, — волнение и хлопоты, надо, чтобы результат оказался исключительно «хорошо» <sic!>, а я еще ни в чем не уверен. Здесь продолжает быть лето — пустыня; на письма отвечаю туго; через день — «праздник» и тогда решительно ничего нельзя добиться. Словом — как рыба об лед. Одно приятно, что пока никаких ссор и много надежд. Очень помогает Анненский — милейший по-прежнему. Нашел себе секретаря очень дельного. Деньги на журнал должны быть выданы 20-го августа...

Милая, все-таки непременно сообщи мне вперед — куда ты поедешь после Neuenahr'a. Может быть, несмотря ни на что, хоть на неделю удастся убежать от «стрел Аполлона». Просто проветриться,

¹⁷ ОР ИРЛИ. Ф. 230. № 616. Л. 49.

¹⁸ Е. А. Зноско-Боровский, секретарь «Аполлона» с 1909 по 1912 гг.

поспать спокойно под материнским крылом... Но это, должно быть, мечты!

Целую тебя крепко и люблю.

Твой Сергей¹⁹.

Специфичность адресата, по всей видимости, заставляла Маковского реализовывать совершенно определенную авторскую стратегию, в которой, с одной стороны, неизменно подчеркивался особый собственный статус²⁰ («без моей “руки” не знаю, выйдет ли»; «каждую мелочь приходится делать самому» и т. д.), с другой — упоминались только положительная сторона редакционных дел «Аполлона». Показательным примером здесь оказывается замечание об отсутствии противоречий среди сотрудников («пока никаких ссор и много надежд»). К началу августа 1909 г., как продемонстрировал А. В. Лавров, начинаются первые разногласия внутри редакции, а к сентябрю они достигают своего апогея, в результате которого журнал покидает А. Л. Вольнский²¹. Несмотря на

¹⁹ ОР ИРЛИ. Ф. 230. № 616. Л. 51.

²⁰ Здесь стоит упомянуть, что, начиная с 24.07.1909, все письма к матери писались на бланках «Аполлона».

²¹ Лавров А. В. А. Вольнский и журнал «Аполлон» // Лавров А. В. Русские символисты: этюды и разыскания. М., 2007. Добавим, что первые конфликты с Вольнским, по всей видимости, начались еще за месяц до столкновения с Анненским. Так, о конфликте упоминает О. Дымов 7 июля 1909 г.: «Уважаемый Аким Львович, не придавая вчерашнему Вашему выступлению в “Аполлоне” литературного характера и не желая мешать общему ходу разговора, я свою частную претензию к Вам хочу выяснить только сейчас.

Более чем кто-либо я иду навстречу всяческой критике, внимательно к ней прислушиваюсь и еще, конечно, не хочу и не могу посягать на ее свободу. Но вчерашнее “дурно пахнет”, употребленное Вами по отношению ко мне как к автору, я не допускаю. <... > Неправильности моей речи,

это, в следующем письме Маковский продолжает придерживаться «идиллической» стратегии:

7 марта 1910 г.

Дорогая мама, Пишу тебе, милая, по адресу, который сообщила мне Татьяна. Надолго ли ты в Неаполе? Хорошо ли тебе? Во всяком случае, радуюсь за тебя: здесь, после нескольких почти весенних дней, опять наступила злая осень.

У меня — все по-прежнему — дела, дела и дела... По вечерам сижу дома и читаю с Мариной²² корректуры. К счастью, несмотря на адскую работу, чувствую себя неплохо. Но аполоновские дела идут не совсем гладко... С одной стороны — несомненно растущий успех. Увеличивается подписка, пишутся сочувственные статьи, все больше и больше приобретает почва под ногами. Но магазины вносят долги с немотивированными затяжками (мне должны по комиссиям около 6000 р.), подписанты почти все подписываются в рассрочку, а платить надо не только за напечатанные полярно номера <,> даже многое вперед (фотографии, клише, авансы и т. д.). Бываю у Ушкова. Он чрезвычайно любезен и начинает очень горячо относиться к делу, которое ему нравится, за исключением некоторых деталей, которых легко избежать в будущем. Между прочим, обещает крупную поддержку, тысяч 25, на будущий сезон, берется даже взять на себя издательство. Все это очень хорошо, но чтобы довести дело благополучно, донести мне нужно еще 10000 р. Ушков выдал 5 только, говоря, что мог бы внести остальные не раньше, т. к. именно в эти месяцы у него

небрежности и проч. <...> не дают права так отзываться о труде литератора, каким я себя считаю. Отнести меня к литератору спекулятивному было бы уже не актом критики, а самого подличающего клеветничества.

Я привык Вас уважать, и мне хочется думать, что выражение это у Вас сделалось случайно, необдуманно, и в пылу пафоса. Я буду рад услышать в ближайший срок подтверждение этой моей мысли.

О. Дымов.

Р. С. Копия этого письма послана С. К. Маковскому» // ОР РНБ. Ф. 124. № 1594.

²² Марина Эрастовна Рындина, с 1910 г. — жена С. К. Маковского.

огромные платежи. По многим причинам, как ты понимаешь, мне не хочется «брать его за горло». Чувствую, что тут просто купеческий кризис — переупрямить его значило бы испортить идеальные в настоящее время отношения. С другой стороны, чтобы удалось ехать в Брюссель и Париж для устройства русских выставок, необходимо вложить в дело недостающие только 5000 р. Я хочу попытаться просить Сергея Николаевича выручить меня, но не знаю, где теперь его адрес. Напиши мне, пожалуйста. Я уверен, что смогу вернуть ему эти деньги еще осенью, когда начнется подписка на 1911 г. (или из векселя Ушкова); ибо — буду я редактором «Аполлона» и вперед, или нет, — во всяком случае этого дела нельзя прекращать; слишком оно своевременно, слишком единственно-культурно, слишком многие заинтересованы в нем и слишком он дорог мне. Как ни как мы существуем всего пятый месяц, а разошлось по 200–300 экземпляров каждого №. Если пока немного подписчиков, то только от недоверия в продолжительности предприятия. Со второго года начнется другое.

Целую тебя крепко.

Твой Сергей²³.

Как показывает приведенное письмо, субсидирование Ю. Маковской (или посредничество в субсидировании) не было разовым явлением. Причем требующаяся сумма в несколько раз превышает первую, но к середине мая и этот вопрос был разрешен. 15 мая 1910 г. Маковский пишет Зноско-Боровскому: «Относительно затруднений с Ефронами я написал матери (позвони ей по телефону 223–60) и думаю, что этот вопрос уладится скоро. Но я вовсе не намерен вносить 5000, а только 3000. Осенью же, по возвращении Ушкова, будет покрыт весь долг»²⁴. Письмо к матери от 15 сентября 1910, тем не менее, извещает о том, что долги по «Аполлону» еще не выплачены. Кроме того, выясняется, что обещанный

²³ ОР ИРЛИ. Ф. 230. № 616. Л. 53.

²⁴ Зноско-Боровский Е. Письма к С. Маковскому // ОР РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 1770. Л. 6.

к оплате еще в сентябре 1909 г. заем (письмо от 17.07.1909. сумма — 1600 р.) также до сих пор не возмещен:

Ушкова все еще нет в Петербурге. Должен быть в конце месяца. Мне очень стыдно, что я не мог вернуть Калачеву денег в срок, но во всяком случае я их верну: в этом не может быть никаких сомнений. Вообще все долги по «Аполлону» будут заплачены до наступления нового года. Но почему ты считаешь, что я взял у тебя на «Аполлон» 1700 рублей. Ведь мне казалось, что сначала (меблировка) выходило около 600 и потом 600... Но м. б. я взял-то у тебя взял, да не записал в книгу. Когда ты приедешь, мы все восстановим по твоим записям²⁵.

Подобная дотошность в отношении долга (не встречающаяся в переписке с секретарем), как представляется, свидетельствует о довольно стесненном положении «Аполлона» и его главного редактора²⁶, несмотря на его заверения об изменении ситуации к следующему году.

Наряду с «внешней», материальной, стороной дел, «внутренняя» жизнь «Аполлона» вновь изображается довольно идиллически. Так, вопреки заверениям автора, в литературной среде начала 1910-х гг. количество «сочувственных статей» значительно уступало числу осуждающих откликов²⁷. Кроме того, к 1910 г. в России имелось достаточное количество модернистской периодики (как журналов «Русская мысль», «Весна», «Литературно-художественные приложения к журналу “Нива”», немного позже — «Новый журнал для всех», «Мусагет» и т. д., так и газет — «Речь»,

²⁵ ОР ИРЛИ. Ф. 230. № 616. Л. 55.

²⁶ См., например, письмо от 04.09.1910, полностью посвященное вопросам продажи имения Лидино (ОР ИРЛИ. Ф. 230. № 616. Л. 54).

²⁷ См., к примеру: *Эмпирик* <Г. Э. Тастевен>. О петербургском аполлинизме // Золотое руно. 1909. № 7–8–9. С. 136, так и некоторые последующие: *Буренин П.* Критические очерки // Новое время. 1911. 29 апреля; *Гиппиус Вл.* Душа реакции // Речь. 1912. № 60 (3 марта) и др.

«Приазовский край» и др.), чтобы называть «Аполлон» «слишком единственно-культурным».

Как представляется, основной вектор этой «идиллической» стратегии был заложен в одном из первых писем, исполненном «мессианским» пафосом:

29 июля 1909 г.

Дорогая мама, бегут дни за днями; близится осень, подкрадывается незаметно зимнее настроение, и мне делается грустно, когда я подумаю, что это лето мелькнуло для меня как-то особенно призрачно, словно и вовсе не было...

А все-таки уехать отсюда вряд ли удастся. Чувствую это больше с каждым днем. Да, нелегкое я затеял дело!.. Вот ты, наверное, подумала: «К чему? Стоит ли превращать жизнь в какое-то бескорыстное служение своей мечте, вместо того, чтобы здраво и практично и спокойно работать, постепенно улучшая свою материальную независимость?». Неправда ли, ты подумала именно это — как часто говорила мне? Но послушай, милая, разве волен человек отказаться от самого себя? Не могу я жить в России практично и спокойно. Просто не могу. В этом болоте равнодушия, безволя, политической апатии нужны люди, которые бы в области, им близкой, любимой, думали не только о себе, о своих личных удобствах и целях, а о судьбе того дела, которому они служат. Я знаю, что без меня не возникло бы в Петербурге никакого журнала, никакого художественного центра, никакой освежающей литературно-критической струи. Все — вразброд. Ни у кого — энергии культурного общественного строительства. Можно ли жить в такой стране, сознавая свои силы, ничего не создавать, спрятавшись в свою раковину?

Ко мне приходят десятки людей, сочувствуют мне, поощряют меня и говорят: «Мы устали, хорошо, если Вам удастся!». А вдруг удастся, и рискованное начало окажется именно тем, чего ждут столь многие? Ведь нельзя же вычеркнуть из числа высших нужд народа — искусство, поэзию, литературу, отдать все это в руки сомнительных аферистов из жидов под предлогом «моя хата с краю!»... Мне хотелось бы убедить тебя, что работа моя не блажь, как ты думаешь, но

серьезное и мое дело. В случае неудачи я скажу только — «знать не гожусь». И займусь другим!

Как ты устроилась в Веймаре? Хорошо ли себя чувствуешь? Я здоров, живу очень одиноко, немного скучаю по вечерам, днем «кипаю в котле».

Целую тебя крепко.

Не забываю²⁸.

Содержание письма во многом перекликается с редакционным манифестом «Аполлона»²⁹, где также присутствует оппозиция «мир искусства — обывательский быт»³⁰, неоднократно говорится об устремленности к мечте³¹ и о созидательной деятельности. Образ бога Аполлона как гармонизирующего начала, покровителя искусств, таким образом, не только задает определенный тематический вектор журналу, но и околожурнальным текстам, придавая письмам Маковского к матери нарочито идиллический ореол, воспроизводящий вариацию литературного Парнаса («чтение, разговоры, стихи, проза, стихи до бесконечности»³²), внутри которого отсутствуют какие-либо конфликты, но каждый день приходится бороться с внешним хаосом.

В этом контексте единственное сохранившееся из 1916 г. письмо, где, в отличие от других писем, нет упоминания о журнале,

²⁸ ОР ИРЛИ. Ф. 230. № 616. Л. 50.

²⁹ От редакции // Аполлон. 1909. №1. С. [3]–[4].

³⁰ В письме «болоту равнодушия, безволя, политической апатии» противопоставлялась «энергия культурного общественного строительства»; в манифесте — мир с «болезненным распадом духа» и мир «стройного и ясного <...> искусства».

³¹ В письме: «бескорыстное служение своей мечте», в манифесте «мечта о вдохновляющем идеале», «наступает эпоха устремлений <...> к животворящей мечте».

³² Письмо от 17.07.1909 // ОР ИРЛИ. Ф. 230. № 616. Л. 47.

можно рассматривать как описание мира, утратившего свой рай, где не осталось места искусству³³.

³³ Приведем текст письма полностью:

«7 сентября 1916.

Дорогая мама,

Тысячу раз спасибо за милый подарок, который только что получил, и тысячу извинений за мою эпистолярную леность (хотя все же не одно, а два письма, не считая приписок, я написал за лето). Но зачем говорить, что это от недостатка нежности к тебе? Ты ведь знаешь, что ее много. Только больно не экспансивен я. А “про себя” люблю очень крепко. Может быть, от того и не пишу, что “внутри” нахожусь в постоянном общении и уверен, что мои настроения и мысли до тебя доходят и на большом расстоянии Мысли же довольно грустные. Конца не видать тому трагическому хаосу, в который попала жизнь за войну. Конечно, можно и должно бодриться и терпеть (на фронте не так терпят!), но сроки все-таки близятся, когда будет неважно. Трагедия в том, что Россия не умеет увеличить свою производительность, не умеет напрячь сил в труде. Все работают столько же. Сколько и прежде, даже меньше прежнего, а работников с каждым днем все меньше. Отсюда — недостаток во всем.

Я даже не представляю себе, как протечет эта зима в Петрограде. Нет ни мяса, ни масла, ни молока, ни круп, ни муки (это в земледельческой стране, мировой житнице!). Ничего нет. Курица уже стоит до 10 рублей. Извозчиков тоже нет. Сахару нет, спирту нет. Скоро перестанут булки печь (предупреждали). Словом — какой-то паралич. Что же будет через год, когда заберут в солдаты еще несколько миллионов? В частности, сам я совсем не знаю, как устроить мой бюджет на зиму. Мы питаемся скромнее скромного (только тухлого я не переносу), а кухня обходится свыше 300 рублей!

Прости, что пишу тебе об этих дрязгах, как немецкая мешанка, ужасающаяся увиденным на рынке. Но, откровенно говоря, за последнее время ни о чем не приходится столь думать, как о хлебе насущном. С квартирой для тебя так ничего и не придумаешь. Цены запрашивают безумные, отыгрываясь на новых квартирантах за тех, что выдолбили контракты по старым ценам. Да и нет почти ничего более или менее приличного. Мне остается только предложить тебе переехать к нам (хоть и

Усиление идилического пафоса в предыдущих письмах возможно объяснить и более общими причинами. С одной стороны, столь сильное желание Маковского доказать исключительность своего проекта («слишком оно своевременно, слишком единственно-культурно», «работа моя не блажь, как ты думаешь, но серьезное и мое дело») и прочитывающееся между строк легкое непонимание со стороны матери служат в целом довольно яркой иллюстрацией рецепции модернистов в интеллигентской среде 1910-х гг., в особенности среди представителей старшего поколения.

С другой стороны, вся предпринятая автором активность не имела бы смысла, если бы Маковский не был искренне захвачен судьбой «Аполлона». Однако ученые, освещая деятельность журнала, останавливаются по преимуществу на других членах редакции: Н. С. Гумилеве, М. А. Кузмине, И. Ф. Анненском, Г. К. Лукомском и т. д., оставляя при этом роль Маковского на периферии³⁴. Приведенные нами «домашние» письма к матери служат еще одним красноречивым доказательством того, насколько именно его роль была «прочувствованна» им самим и необходима для журнала.

высоко), отдав на твое попечение Ивана Сергеевича, а мне с Мариной перебраться хоть в гостиницу. Против этого я ничего не имел бы, говоря чистосердечно.

Целую тебя крепко, дорогая, о здоровье моем не тревожься. Все нервы. Ланн опять не нашел никакой болезни. А уехать? Куда теперь уедешь? Да и в долг я набрал много, чтобы как-нибудь заткнуть дырявый мой бумажник.

Твой Сергей» (ОР ИРЛИ. Ф. 230. № 616. Л. 56).

³⁴ Подобная тенденция по преимуществу сложилась в результате деятельности мемуаристов. См.: *Лекманов О. А. Концепция «Серебряного века» и акмеизма в записных книжках А. Ахматовой // НЛО. 2000. № 46.*